

Глава 12. За 101 километром от Москвы (беспорядки в Муроме и Александрове)

1. Похороны по-муромски (июнь 1961 г.)

Смерть в КПЗ (26-27 июня)

Город Муром находится во Владимирской области. Он относился к той категории небольших провинциальных городков, социальный статус которых определяется словосочетанием «за 101 километром от Москвы». А туда, «за 101 километр», попадали, в частности те, кто не имел права на прописку в больших городах: выселенные из Москвы тунеядцы (при Хрущеве прошло несколько кампаний по «депортации» из столицы тех, кто не мог или не хотел работать) и проститутки, некоторые категории вернувшихся из заключения и т.п. В советской политической культуре «101 километр» имел множество смыслов, в основном негативно нагруженных, а в определенных ситуациях выступал синонимом «второсортности» того или иного населенного пункта. К этому следует добавить, что снабжение большинства таких городов продуктами и продовольствием было значительно хуже, чем в столице, а концентрация потенциально конфликтных групп населения, напротив, несколько выше. Это доставляло немало беспокойств как законопослушным гражданам, так и власть предержащим. Любые кризисные ситуации воспринимались в таких провинциальных городках острее, а способность милиции и КГБ контролировать течение конфликта была ниже, чем в больших городах. При этом сама ситуация небольшого города, где социальные отношения не так анонимны и обезличены, как в столицах, создавала предпосылки для персонализации конфликта личности и власти. Люди знали своих обидчиков в лицо и подолгу помнили обиду.

26 июня 1961 г. житель города Муром, старший мастер завода Орджоникидзе Ю.Костиков выпил и в порыве русской удали попытался на ходу сесть в кузов грузовой автомашины. На повороте Костиков сорвался, упал на асфальт и разбил голову. Этот «непорядок» увидел проезжавший мимо начальник городского отдела милиции. Воспринимая действительность в традициях гоголевского городничего, он, вместо

того, чтобы отправить пострадавшего в больницу, он приказал убрать его с улицы и доставить в милицию. Там Костикова без медицинского освидетельствования поместили в камеру, «предназначенную для водворения пьяных». В этой камере пострадавший и провел всю ночь. Наутро его нашли при смерти. Вызвали «скорую помощь», но было уже поздно. В больнице, не приходя в сознание, Костиков умер от кровоизлияния в мозг¹.

Об этой трагической и нелепой смерти стало известно в городе. Распространились слухи о том, что Костикова в милиции избивали. Уполномоченный КГБ информировал горком КПСС «о нездоровых настроениях рабочих». 29 июня прокурор города возбудил уголовное дело по факту смерти Костикова. Судя по всему доказательств избиения Костикова прокуратура не нашла или же найти не захотела. На заводе провели совещание актива, где прокурор и судебно-медицинский эксперт сообщили «о подлинных причинах смерти Костикова»². Однако обстановка в городе оставалась напряженной. Всем было ясно, что человека с тяжелой травмой вместо больницы отправили в кутузку.

«Заговор» Панибратцева (27-29 июня)

Усилия горкома КПСС взять ситуацию под контроль натолкнулись на стихийный «заговор», во главе которого оказался Михаил Панибратцев. Этот человек, по сегодняшним меркам, типичная жертва сталинского произвола, в глазах власти в 1961 г. был прежде всего бывшим государственным преступником и потенциально «антисоветским элементом». В момент событий Панибратцеву было 45 лет, он был женат, имел трехлетнего ребенка, работал маляром-художником в том же цехе, что и Костиков. У Михаила было «пятно» в анкете. Он имел в прошлом судимость. Газета «Муромский рабочий» в статье «Бандитам воздано по заслугам» сообщила после процесса по делу о массовых беспорядках, что Панибратцев был в свое время осужден «за провокационные измышления к 10 годам тюремного заключения»¹. В действительности это была вульгарная пропагандистская утка. Его

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.1-2; 8-9

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.2

действительно судили в 1941 году в возрасте 25 лет по ст. 19-58-8 и 16-58-7 УК РСФСР. В переводе на человеческий язык это означало, что человека осудили за покушение на террористический акт (19-58-8), а также непонятно за что, поскольку ст.16 предусматривает осуждение за действия, которые прямо в уголовном кодексе не предусмотрены. В этом случае используется «ближайшая статья». В результате скорое сталинское правосудие привлекло Панибратцева к уголовной ответственности по ст.58-8 - за подрыв государственной промышленности, совершенный в контрреволюционных целях путем использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности. Примерно так звучала соответствующая статья уголовного кодекса. Можно уверенно утверждать, что Панибратцев вообще ни в чем не был виноват перед режимом. Ему «впаяли» десять лет лагерей «просто так».

Понятно, что такой человек не только мог, но просто должен был ненавидеть режим. А после того, как его самого ни за что продержали 8 лет в лагерях, Панибратцев готов был поверить в любые преступления власти, а уж в такую «малость» как избиение пьяного в милиции - тем более. Хрущевская либерализация не могла произвести на него равным счетом никакого впечатления. Ведь при Хрущеве его даже не реабилитировали, а просто пересмотрели состав преступления. Одним словом, власть поломала молодому человеку жизнь, а потом даже не сочла нужным извиниться, стереть клеймо преступника.

29 июня Михаил вместе с несколькими другими возмущенными рабочими посетил морг и встретился с судебно-медицинским экспертом. Официальному заключению о причинах смерти рабочие не поверили. Они решили, что за Костикова «нужно отомстить». Панибратцев сказал товарищам по работе, нужно написать лозунг «Смерть убийцам» и идти с ним к милиции. Он сам и изготовил плакат. Надпись гласила, что начальник Муромского городского отдела милиции садист и убийца. По показаниям свидетельницы, Панибратцев у себя дома вечером того же дня говорил: «Завтра во время похорон разобьем все окна в милиции», а

в ответ на сомнения в виновности работников милиции сказал: «Все равно ничего не оставим»¹.

Бунт на фоне похорон (30 июня)

30 июня дирекция и общественные организации завода организовали похороны Костикова. По замыслу начальства похоронная процессия должна была обойти здание городского отдела милиции стороной. У неформальных лидеров рабочих были другие планы. Они попытались поднять над толпой написанный Панибратцевым транспарант². Транспарант изъяли, но направить процессию в сторону от горотдела милиции не удалось. Михаил выскочил из колонны и одним из первых с криком «бей гадов» бросил два камня в окна милиции. Вслед за этим, по показаниям свидетелей, «посыпался град камней»³.

Судя по материалам дела, в последующих событиях Панибратцев уже не участвовал. Ничего не сказано о его роли в разгроме милиции и в обвинительном заключении. Вероятно, он ушел с места событий вместе с траурной процессией. Вскоре после начала беспорядков она двинулась на кладбище⁴. Как и во время волнений в Грозном, в 1958 г. инициатор протеста остался в стороне от начинавшегося бунта. В пьяной толпе, оставшейся у здания милиции, появились новые лидеры. Никакого участия в подготовке похорон они не принимали и покойного не знали. Но зато имели личные причины ненавидеть милицию.

После шести часов вечера около городского отдела милиции уже бушевал стихийный митинг. По рассказу одного из участников беспорядков, «народу было много, и все кричали разные выкрики в адрес работников милиции. Окна были все выбиты, но камни лететь продолжали, а у входа лежала перевернутая машина, и с нее выступали разные люди»¹. Осмысленных выступлений практически не было. Все свелось к раздраженным выкрикам и погромным призывам.

Председатель Муромского горисполкома Сорокин попытался превратить бунт хотя бы в стихийный митинг. Он залез на перевернутую

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.12

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.11-12

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.12

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.150-150(об)

машину и призвал толпу к порядку. В ответ раздались возгласы: «Убили человека в милиции!». Сорокин обещал все выяснить и наказать виновных. Но какой-то солдат, имевший личный опыт общения с городским главой закричал, чтобы Сорокину не верили². (В импровизированном митинге, помимо Сорокина, принял участие председатель Владимирского облисполкома Сушков, незадолго до событий приехавший в город в командировку. Точный момент выступления Сушкова, к сожалению, по доступным нам источникам установить не удалось. Было ли это до или после выступления Сорокина, не ясно. По словам заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР Тищенко, Сушков «влез на трибуну, его там освистали, причем с трибуны он этим хулиганствующим элементам обещал пересмотреть состав дружинников, что они плохие, по существу пошел на поводу хулиганов»³. Таким образом, Сорокин и Сушков, последнего представитель бюро ЦК КПСС по РСФСР обвинил чуть ли не в трусости, попытались, хотя и безуспешно, овладеть инициативой и перевести события в мирное русло).

Однако озлобление толпы уже достигло критической точки. Снежный ком погрома покатился под гору после выступления Сергея Денисова, который забрался на перевернутую машину после того, как солдат обругал председателя горисполкома. Этот 39-летний выходец из нижегородской деревни, работавший канализатором на комбинате «Красный луч», был малограмотен (3 класса образования), имел в прошлом две судимости за малозначительные преступления, был женат и воспитывал двоих детей⁴. В начале событий Денисов находился в камере предварительного заключения - 20 июня он подрался с отцом и братом, за что и получил 15 суток административного ареста. Около 17.00 арестованный услышал шум на улице и хитростью выбрался из КПЗ на Московскую улицу. Там он закричал в толпу: «Бей фашистов, бей

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л. 150(об)

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.148

3 РГАСПИ. Ф.17. Оп.91. Д.1498. Л. 3.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.70

гадов! Освобождай арестованных!»¹. Призыв попал на благоприятную почву: в толпе находились знакомые некоторых задержанных за хулиганство².

По показаниям одного из свидетелей, Денисов заявил, что «в милиции якобы бьют арестованных, бросают их в камеры, а в лагерях вообще убивают». Он сказал, что лично видел, как работники милиции избивали Костикова, что его, Денисова, тоже били в милиции. В подтверждение своих слов он задрал рубашку и показал левый бок со следами побоев. Председатель Муромского горисполкома А.К.Сорокин, встретив Денисова через несколько дней на улице, полюбопытствовал, кто же его все-таки избил. В ответ услышал, что это результат драки с братом³.

После выступления Денисова «началось избиение работников милиции, дружинников и других должностных лиц, наводивших порядок»⁴. Но Денисов был далеко не единственным оратором на стихийном митинге у здания милиции. Среди выступавших активную роль сыграл 28-летний Степан Мартынов, неграмотный бессарабский цыган, отец которого погиб на фронте в 1943 г., а мать в тот же год умерла с голоду. До 1956 г. Мартынов жил с двоюродной сестрой и кочевал. В 1956 г. перебрался в Муром, осел, женился на женщине с двумя детьми, поступил на кирпичный завод разнорабочим. После этого сменил еще несколько занятий - искал более высокую зарплату, нужно было содержать четырех иждивенцев.

Степан имел личные причины ненавидеть милицию - в 1959 г. его арестовывали за мелкое хулиганство⁵. По рассказу Мартынова, с самого утра в городе только и говорили, что о смерти Костикова. Об этом он слышал сначала на базаре, потом - около собственного дома, куда вышел покурить и разговорился с женщинами, наконец, по дороге в кинотеатр. На выпившего Мартынова сильное впечатление произвели

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.56

2 См. ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.16-17

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.44-45

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.57

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.27

выкрики Денисова, напомнившие о личных обидах. В итоге Степан тоже полез на трибуну призывать к погрому¹.

Митинг продолжался уже на фоне погрома, как бы поддерживая на определенном уровне и накал страстей и моральную легитимность бунтовщиков. «Ораторы» выкрикивали призывы и сами претворяли их в жизнь. Среди выступавших оказался и жестянщик Максим Усов, 48-летний отец семейства (трое детей, младшему 16, старшему 26 лет), деревенский, с четырьмя классами образования, неоднократно «обиженный» милицией - задерживали за появление на улице в пьяном виде и мелкое хулиганство². 30 июня Усов был пьян. По показаниям одних свидетелей, он кричал: «Бейте милицию! Она нас обижает и бьет, а чего вы смотрите! Бейте, громите больше». Другие слышали: «Давай жги, гноми! Нечего жалеть! Пусть горит!»³.

Крики неслись не только с импровизированной трибуны, но и из окружавшей ее толпы. Лукин, один из осужденных по муромскому делу, призывал: «Бить надо милицию, громить их», сопровождая все это пьяной матерной бранью. Когда же один из свидетелей обратился к Лукину со словами: «Что ты кричишь, к чему призываешь народ?», - то в ответ услышал: «А ты что, тоже имеешь красную книжечку (партийный билет члена КПСС. - В.К.), и тебя надо вместе с ними, гад»⁴. Столь же агрессивно реагировала толпа и на все другие призывы образумиться и успокоиться. Свидетелю Чекалову, например, за подобные слова кто-то из пьяных хулиганов до крови разбил лоб⁵.

Между 18.00 и 19.00 «активисты» из толпы ворвались в здание городского отдела милиции и аппарата уполномоченного КГБ. Мебель разбили (рубили топором), на улицу выбросили сейф с секретными «кэзгэбешными» документами, часть милицейских бумаг была уничтожена. Загорелась милицейская машина. Несколько сотрудников милиции были избиты. С них пытались сорвать милицейскую форму, силой вытаскивали на улицу на «суд народа». Защищаясь, они стреляли

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.22, 148-148 об.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.73

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.65

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.17

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.46

в нападавших, один из которых был ранен. Толпа взломала кирпичную стену КПЗ и освободила часть заключенных. Значительное количество боевых патронов было похищено. Все это сопровождалось выкриками: бей гадов, фашистов, они не народ и т.п. После выстрелов и появления раненого раздраженные погромщики закричали о том, что «убивают народ». Они попытались втянуть в беспорядки столпившихся у здания зевак. Пожарным, приехавшим к месту событий, не давали работать, перекрывали рукава для подачи воды.

Большинство активных погромщиков появились на месте событий именно для того, чтобы участвовать в беспорядках, и имели, как уже говорилось выше, личные причины ненавидеть милицию. В то же время все они находились под растормаживающим воздействием алкоголя и в определенном смысле не только и не столько создавали своими выкриками и действиями специфическую атмосферу погрома, «тянули» его за собой, были его организаторами, но сколько несли в себе «инстинкт толпы», придававший спонтанным действиям видимость целенаправленности и логики. Некоторые впоследствии плохо помнили свои поступки. «Я не могу до сих пор понять, что меня толкнуло...»¹, - в этом высказывании одного из осужденных было, по всей вероятности, больше правды, чем лукавства.

Глубокое чувство обиды на власть, усугубленное действием алкоголя, превращалось в коллективный психоз, перекрывало сдерживающее воздействие страха перед наказанием. Праведность же поступка освящалась идеей возмездия за «невинно убиенного», что всегда придает погрому некий «высший смысл». Вряд ли кому либо из «активистов» приходило в голову, что, растворившись в анонимной обезличенности толпы, они совершают что-либо более серьезное, чем привычное для них лихое хулиганство. Как только мысль об этом доходила до их сознания, они «выключались» из погрома и исчезали с места событий.

Алексей Поликарпов, одним из первых ворвавшийся в помещение горотдела милиции, где «применял физическое насилие к работникам

---

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.151 об.

милиции, пытаясь силой вытащить их на улицу для расправы»¹, так описывал свое участие в беспорядках в жалобе Генеральному Прокурору СССР от 3 августа 1962 г.: «К зданию я подошел, было немного минут седьмого вечера. Я был выпивши, всему поверил, и глупо поступил, полез не в свое дело вслед за другими, вошел наверх и стал сотрудникам доказывать, как могли допустить до того шума. Наверху я услышал выстрелы, стреляли внизу в дежурном отделении, после выстрелов послышались крики: «Убийцы, за что стреляете в народ, убили еще одного». Я стал им говорить: «Что вы делаете, бьете людей», и назвал их гадами, «вы не достойны носить эту форму и оружие». Больше я в здании ничего не делал и вышел в дверь... Ударять я никого не ударял, и цель эту не держал в голове, причем напомним, за прожитую свою жизнь ни с кем не дрался... Проходя мимо окна, где сидели указники за мелкое хулиганство.., я сказал им: «Ребята, выходите, здесь убивают». Но подумав: «Не мое дело», - вышел в ворота, которые были открыты, на Московскую улицу... меня увидела мать, сказала: «Здесь с детьми жена», - увидев меня, она подъехала ко мне, спросила меня: «Почему ты не в бане», я ей объяснил, как все получилось, и мы пошли домой, пройдя квартал, я пошел в баню, а она поехала с детьми домой, она была с коляской»².

Важную роль в нападении на милицию сыграл Константин Лукин, 31 года от роду. Детство его пришлось на годы войны. В юности, в возрасте 17 лет, он был осужден за кражу личной собственности. Никакого другого «компромата» следствие не обнаружило. Очевидно, после заключения Лукин, выражаясь языком тех лет, «твердо встал на путь исправления»: устроился на работу, женился, у него родились двое детей. Однако старая обида крепко сидела в памяти. 30 июля Лукин выпил и был возбужден пронесшими слухами об убийстве человека в милиции. Он кричал из толпы: «Бить надо милицию, громить их»³.

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.46

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.150-150 об.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.17

Вооружившись топором, Константин рубил мебель, выбрасывал на улицу милицееское обмундирование и другие вещи, документы¹.

Одним из организаторов погрома суд признал 23-летнего Валентина Романенкова. Он выделялся из прочих зачинщиков беспорядков более высоким образованием (незаконченное среднее), но походил на многих из них беспутным образом жизни. Был женат, но с женой не жил. Имел судимость за злостное хулиганство (апрель 1959 г.). Нигде не работал, органы милиции дважды «предупреждали» его о необходимости трудоустройства. По его собственным показаниям, за год до событий был задержан по подозрению в карманной краже и хотел уничтожить документы об этом малоприятном событии во время нападения на милицию. Романенков принял активное участие в освобождении заключенных из КПЗ - взломал дверь, ведущую к камерам предварительного заключения. Он кричал: «Гады, убьете одного или двух, но всех не перестреляете», требовал от милиционеров «выбросить белый флаг» и сдать оружие. Вслед за ним ворвались остальные. Романенко взломал ломом камеру № 4 и выпустил арестованных, среди которых был его знакомый².

Среди бунтовщиков оказались две женщины - 38 и 30 лет от роду. Обе имели детей и растили их без мужей, обе были в прошлом судимы за малозначительные преступления и, вероятно, были убеждены, что их «засудили» несправедливо. Обе не сумели вынести бремя жизни и ожесточились в борьбе за существование. Государственный обвинитель охарактеризовал одну из них как «морально разложившуюся личность», а о другой в обвинительном заключении сказал, что она вела «себя непристойно, систематически пьянствовала, вела развратный образ жизни»³. Действия этих несчастных опустившихся женщин в ходе погрома отличалась особым озлоблением, сопровождалась матерной руганью. Как и большинство погромщиков они были пьяны, швыряли камни в окна, кричали «бей милицию» и т.п. Обе внесли в атмосферу

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.19

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.15

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.58

волнений истерические, кликушеские нотки, как бы вымещая на жертвах беспорядков свою личную обиду и боль.

Волнения продолжались около 5 часов. В результате были приведены в негодность все окна и двери городского отдела милиции и УКГБ, разрушена телефонная связь, поломаны и вскрыты сейфы, похищено около 60 стволов оружия и большое количество боеприпасов. Из КПЗ было освобождено 26 человек, арестованных за уголовные преступления, и 22 - за мелкое хулиганство. Здание было выжжено изнутри, многие милицмейские документы и частично документы уполномоченного КГБ были похищены или сгорели. Пятеро работников милиции и прокурор города были избиты. При подавлении волнений применялось оружие. Двое нападавших получили огнестрельные ранения¹. Отличительная особенность бунта - его почти исключительная направленность на работников милиции. В этом смысле муромские беспорядки были одним из кульминационных моментов начавшейся в 1950-е годы «хулиганской войны». Хулиганы и городские маргиналы перехватили инициативу протеста у рабочих и превратили траурную демонстрацию в кровавый погром.

«Показательный» суд

Для расследования дела о массовых беспорядках в Муроме была образована следственная группа из 8 следователей органов госбезопасности во главе со старшим следователем по особо важным делам следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР. В ходе следствия 8 человек было арестовано за участие в массовых беспорядках (по ст.79 УК РСФСР) и 11 человек - за «хулиганские проявления» (по ст.206 ч.2 УК РСФСР)².

Всего состоялось два судебных процесса. Первый из них прошел с особой помпой. Предварительное расследование по этому делу было закончено 3 августа, прокурор области в тот же день утвердил обвинительное заключение. Для суда выбрали Муромский клуб строителей, рассчитанный на 300 с лишним человек. Заранее

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.1

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.4

отпечатали пригласительные билеты для «представителей общественности» на каждый день процесса. Распределял их непосредственно горком на предприятиях и в учреждениях Муром. По-своему готовились к суду и некоторые обвиняемые. Как жаловались отдельные свидетели во время предварительного следствия, они боялись «мести со стороны хулиганствующих элементов»¹.

Суд продолжался три дня. Зал был полон, а результат процесса - предрешен. Отобранная горкомом публика была готова «правильно реагировать». Когда государственный обвинитель потребовал смертной казни для трех подсудимых, зал разразился аплодисментами. Аплодисментами были встречены и речи общественных обвинителей. После вынесения приговора публика устроила настоящую овацию. Адвокаты же не могли и не пытались в сложившейся обстановке всерьез защищать своих подзащитных, но по различным мотивам (семейное положение, прошлая деятельность, признание вины и т.п.) просили суд о смягчении мер наказания².

В день вынесения приговора - 11 августа - на всех предприятиях города прошли митинги и собрания. Выступали рабочие, присутствовавшие в зале суда. Участники митингов и собраний, разумеется единодушно и гневно, «осуждали преступную деятельность подсудимых и других бандитов и хулиганов, высказывали свое удовлетворение вынесенным приговором и требовали его исполнения»¹.

Дело Струнникова или «Отомстим за муромлян» (июль 1961 г.)

Процесс закончился в пятницу, 11 августа 1961 г. В воскресенье, 13 августа, областная владимирская газета «Призыв» и городская газета «Муромский рабочий» поместили статью «Бандитам воздано по заслугам», подписанную П.Ивановым (скорее всего псевдоним). Особый пропагандистский упор был сделан на уголовном прошлом трех осужденных. Их называли не иначе как «матерые бандиты», что вполне соответствовало политическому газетному сленгу сталинской эпохи и было, мягко говоря, очень далеко от реальности. Информация о

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.30

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.30

судимости Панибратцева - жертвы политического террора была искажена (об этом уже говорилось раньше). Цель искажений и подтасовок была понятна - изобразить активных участников волнений «отщепенцами», социальными париями, ничего общего не имеющими с «советскими людьми». Сами же «трудящиеся», по сообщениям тех же газет «единодушно одобряли справедливый приговор бандитско-хулиганствующим элементам»². (17 августа короткая заметка «Справедливая кара» была помещена в во всех республиканских, в частности, в «Советской России»³ и областных газетах СССР. Ее тон был более спокойным, «информирующим». Очевидно, партийные власти полагали, что сообщение о трех смертных приговорах само по себе возымеет должное действие).

Никакого «единодушия трудящихся» в оценке событий в действительности не было. Более того, во время организованного властями на предприятиях г.Мурома «всенародного осуждения» произошел инцидент, о котором, конечно же, ни одна газета не сообщила. Владимир Струнников, 35 лет от роду, отец двух детей (4-х и 10 лет), с пятиклассным образованием, имевший в прошлом судимость по ст.74 ч.2 УК РСФСР, осмелился публично высказать свое несогласие с приговором и призвал рабочих своего цеха к забастовке. Рабочие, как рассказывал впоследствии Струнников, «промолчали, а я в знак протеста бросил работу и ушел из цеха. Зайдя домой, я оделся и поехал в город, чтобы выступить перед молодежью в Окском саду и призвать ее присоединить свой голос к моему протесту.

Приехав на ул. Московскую, я зашел в ресторан, где выпил 300 гр. водки, и захватив бутылку вина, пошел в парк культуры и отдыха. Пройдя на веранду, где собралось около 50 человек молодежи, я вышел на середину и обратился с призывом присоединить свой голос к моему протесту против приговора суда... После этого я был доставлен в отдел милиции»⁴.

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.30

2 Муромский рабочий. - 1961. - 13 августа. - С.4; Призыв. - 1961. - 13 августа. - С.4

3 Советская Россия. - 1961. - 17 августа. - С.4

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.53

Задержавшим его дружинникам Струнников никакого сопротивления не оказывал, вел себя очень достойно и говорил, что, по его мнению, муромские бунтовщики «поступили правильно» и возмущался их «незаконным арестом»¹. Скоропалительная хрущевская юстиция в тонкости дела вникать не стала. Немедленно было организовано «гневное осуждение» поступка Струнникова его товарищами по работе и фальшивая «просьба» работников цеха в КГБ привлечь Струнникова к уголовной ответственности.

Несогласного впопыхах обвинили в призыве к массовым беспорядкам (чего на самом деле не было) и осудили к семи годам лишения свободы, хотя дело не «тянуло» даже на мелкое хулиганство. В Прокуратуре СССР уже в мае 1963 г. готовился протест по этому делу. Предполагалось переквалифицировать состав преступления на «хулиганскую статью» и изменить меру наказания - снизить до трех лет лишения свободы. В конце концов, уже после смерти Хрущева, в 1965 году Владимир Струнников был реабилитирован постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР.

Еще одной ложкой дегтя в пропагандистской кампании «всемирного осуждения» стала появившаяся 25 августа в городе Коврове Владимирской области надпись: «Отомстим за муромлян». В тот же день и в том же городе на стене дома № 5 по улице 2-я Полевая обнаружили призыв: «Долой коммунистический режим. Молодая гвардия»¹. События в Муроме приобрели, таким образом, особый политический оттенок. А попытки властей напугать потенциальных организаторов подобных волнений смертным приговором суда, в определенном смысле имели противоположный эффект. Многих удивила, а некоторых и возмутила жестокость власти.

2. «Устроим второй Муроме». Массовые беспорядки в Александрове 23-24 июля 1961 г.

События в Муроме вызвали эффект домино. Надписи на домах в Коврове, призывавшие к мести, были первой ласточкой. Волнения в Александрове (тоже город во Владимирской области) были уже

---

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.52